

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ВЯЗЬ

Книга 15

ВЕЕР
ИМПЕРАТРИЦЫ

МУРАТ КАРАДЕНИЗ

Мурат Карадениз

Веер императрицы

Серия «Ленинградская вязь», книга 15

<https://litres.ru/74080624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Блокадный Ленинград, 1943 год. В подвале особняка на Английской набережной находят мёртвым майора НКВД. В его руке — старинный веер, пропитанный ядом. Кто использует реликвию императорского двора как орудие убийства?

Капитан НКВД Алексей Ухтомский берётся за расследование. Следы ведут в XIX век — туда, где в залах Зимнего дворца и масонских ложах зрел заговор, способный уничтожить династию. Веер убивал тогда. Он убивает сегодня.

В наши дни искусствовед Анна Ухтомская находит в архиве прадеда забытое дело. Она ещё не знает, что за этим веером охотятся уже два столетия. И что тот, кто владеет им сейчас, не остановится ни перед чем.

Но правда, которую она ищет, способна не только раскрыть заговор — она может стоить жизни. Вопрос лишь в том, чья смерть станет последней.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ. «Июньская ночь»	5
ЧАСТЬ I. «ГОРЬКИЙ МИНДАЛЬ»	13
ГЛАВА 1. «Труп в кресле»	13
ГЛАВА 2. «Архив на набережной»	20
ГЛАВА 3. «Рождественский подарок»	25
ГЛАВА 4. «Смерть фрейлины»	31
ГЛАВА 5. «Следовател	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мурат Карадениз

Веер императрицы

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Июньская ночь»

Время: 15 июня 1943 года, 02:00

Место: Ленинград, Английская набережная, особняк графа Толстого

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей шёл по ночному Ленинграду и не мог отделаться от чувства, что город наблюдает за ним. Белая ночь обманывала — светло было так, словно день всё ещё не решался уступить место тьме. Солнце спряталось за горизонтом, но оставило после себя бледное зарево, которое разливалось над Невой и делало воду похожей на расплавленный свинец. Тени домов ложились на мостовые длинными серыми полосами, и в каждой из них Алексею мерещилось движение.

Он остановился на секунду, прислушался. Город молчал. Только где-то далеко, за Литейным мостом, ухнул взрыв — очередной обстрел, уже стихающий. Алексей привык к этому звуку за два года блокады. Он стал частью ленинградской ночи, как скрип трамвайных путей или вой сирены. Но сегодня что-то было другим. Сегодня тишина казалась слишком плотной, слишком настороженной.

Он прошёл мимо разрушенного здания на набережной — когда-то здесь был доходный дом, теперь остались только обгоревшие стены и выбитые окна. Из одного окна свисала

тряпка, которую кто-то повесил вместо занавески. Она колыхалась на ветру, и Алексей на миг принял её за фигуру человека. Сердце ёкнуло, но он тут же одёрнул себя — нервы, просто нервы. Два года блокады сделали всех параноиками.

Он повернул на Английскую набережную. Особняк графа Толстого стоял мрачный и молчаливый. Когда-то это было одно из самых роскошных зданий на набережной — фасад с колоннами, лепнина, высокие окна, за которыми скрывались гостиные, библиотеки, картинные галереи. Теперь особняк выглядел как старик, который пережил всё и устал бороться. Штукатурка осыпалась, окна были заколочены досками, а парадная дверь висела на одной петле.

Но в подвале горел свет. Алексей увидел его ещё издалека — слабое жёлтое мерцание, пробивавшееся сквозь узкое подвальное окошко. Он прибавил шаг.

У входа его встретил молодой лейтенант в шинели. Лицо у него было бледным — не от голода, от страха.

— Товарищ майор, — сказал он, козырнув. — Мы нашли его час назад. Жильцы сообщили — они почувствовали запах запах из подвала. Сначала подумали, что газ, но потом кто-то спустился и увидел.

— Кто спустился? — спросил Алексей.

— Старуха, которая живёт на первом этаже. Она впустила нас. Мы сразу поняли, что это не просто смерть. Слишком неестественно.

Алексей не стал больше спрашивать. Он спустился по

узкой каменной лестнице в подвал. Запах ударил в нос мгновенно — сладковатый, приторный, с оттенком чего-то резкого и химического. Горький миндаль. Алексей поморщился. Он знал этот запах. Он встречал его в 1941 году, когда расследовал убийство в особняке на Литейном — тогда тоже был яд, тоже синильная кислота. Тогда они так и не нашли убийцу. И вот теперь — снова.

Подвал был просторным, со сводчатыми потолками и каменными стенами. Раньше здесь, вероятно, хранили вина или уголь. Теперь подвал использовался как бомбоубежище — вдоль стен стояли топчаны, на которых лежали матрасы, рядом — пара ящиков с консервами и ведро для воды. Но в центре подвала стояло старое кожаное кресло с высокой спинкой. В нём сидел мужчина.

Панкратов.

Алексей знал его. Майор НКВД, куратор трофейной комиссии, человек, который занимался изъятием ценностей из особняков и поместий. Они встречались несколько раз в 1941 году — Панкратов тогда курировал эвакуацию коллекции Эрмитажа. Алексей помнил его как сухого, жёсткого человека с короткой стрижкой и вечно нахмуренными бровями. Теперь брови были расслаблены — Панкратов не выглядел ни испуганным, ни удивлённым. Он выглядел так, словно просто уснул в кресле.

Но лицо было синим. Губы посинели, глаза — они были открыты, стеклянные, смотрящие в одну точку. Веки не были опущены — Панкратов умер с открытыми глазами. Алексей подошёл ближе и заметил, что на коленях у мёртвого лежит веер.

Это был странный предмет. Старый, с искусно вырезанными перламутровыми пластинами, на которых были изображены античные сцены — Аполлон, преследующий Дафну, нимфы, танцующие у фонтана, маленькие купидоны с луками. На рукоятке поблёскивали бриллианты — мелкие, но настоящие. Кружево — французское, тонкое, почти прозрачное, словно паутина — лежало на коленях Панкратова, касаясь его руки и бедер.

Одна пластина веера была отломана. Алексей заметил это сразу — край был неровным, сколотым. Что-то здесь было не так.

Он опустился на корточки рядом с креслом. Запах горького миндаля становился сильнее. Он знал, что синильная кислота действует быстро — несколько вдохов достаточно, чтобы парализовать дыхание. Если кружево было пропитано ядом, достаточно было просто поднести веер к лицу, вдохнуть — и смерть наступала в течение минуты.

Но Панкратов не выглядел так, будто умирал быстро. На его лице было выражение удивления, а не боли. Словно он не понял, что произошло. Алексей посмотрел на его руки — пальцы сжимали веер так, словно он пытался удержать

его, не дать упасть. Но следов борьбы на пальцах не было. Панкратов просто сидел и держал веер.

Алексей поднялся и осмотрел подвал. Сбитая керосиновая лампа валялась на полу — она лежала на боку, фитиль почернел. Рядом — осколки стекла. На стене — царапины, след от каблука, словно кто-то упёрся ногой, пытаясь оттолкнуться. Алексей перевёл взгляд на кресло — оно было сдвинуто на несколько сантиметров. Панкратов сопротивлялся. Он не просто умер в кресле — он встал, попытался уйти, но не смог. Кто-то посадил его обратно, привёл в порядок и положил веер в руки.

— Товарищ майор, — сказал лейтенант, стоящий на лестнице. — Мы нашли это в кармане его шинели.

Он протянул Алексею маленький конверт. Алексей взял его — бумага была грубой, серой, военного времени. Он открыл конверт и вытащил сложенный вдвое листок. На нём было написано каллиграфическим, почти женским почерком:

«Спроси у Соболева. Он знает, где второй. Я не успел сказать тебе».

Алексей перечитал дважды. Соболев. Он знал это имя — это был хранитель Эрмитажа, который был убит в январе 1943 года. Алексей сам расследовал его смерть. Соболева нашли в запасниках Эрмитажа — он лежал на полу, с проби-

той головой. Убийцу так и не нашли. Но Соболев был мёртв уже пять месяцев.

Алексей повертел записку в руках. Бумага была сухой, чернила — свежими. Эту записку написали недавно, возможно, накануне. Но если Соболев мёртв, зачем писать ему? Кто-то хотел, чтобы Алексей обратил внимание на имя Соболева. Кто-то использовал его как ключ.

Он спрятал записку в карман и снова посмотрел на веер. Он поднял его, осторожно, за рукоятку. Кружево было лёгким, почти невесомым. Алексей повернул веер и увидел гравировку на рукоятке — вензель «М.Ф.» с короной. Мария Фёдоровна, жена императора Павла I. Веер принадлежал императрице.

— Чёрт, — тихо сказал Алексей. — Это реликвия.

Он понимал, что это не просто убийство. Это было послание. Кто-то убил Панкратова, использовав веер как орудие, и оставил его в руке — чтобы все знали, что это было. Это был ритуал.

Он вышел из подвала и поднялся наверх, в коридор особняка. Здесь пахло сыростью и старым деревом, как во всех коммуналках военного времени. В углу стоял стул, на котором сидела женщина — пожилая, худая, с лицом, изрезанным морщинами. Она плакала.

— Это моя комната, — сказала она, всхлипывая. — Я нашла его. Я спустилась за водой и увидела он сидел. Я подумала, что он спит. А он был мёртв.

— Вы знали майора Панкратова? — спросил Алексей.

— Он часто приходил сюда, — сказала женщина. — Искал что-то в стенах. Говорил, что здесь спрятаны сокровища старого графа. Я не верила ему. Но он всё приходил и приходил. А вчера он сказал, что нашёл. Он был рад. Он сказал, что завтра всё закончится. Но он не сказал, что именно.

Алексей кивнул. Он знал, что Панкратов искал что-то в этом доме. И он нашёл. Но то, что он нашёл, убило его.

Он вышел из особняка на набережную. Белая ночь всё ещё держала город в своих объятиях. Нева была тихой, как зеркало. Сирень в разрушенном сквере пахла сладко, перебивая запах гари и смерти.

Он постоял минуту, глядя на воду. В голове крутились мысли — Панкратов, Соболев, записка, веер. Что-то связывало их всех. Что-то, что начиналось ещё в XIX веке, при императрице Марии Фёдоровне.

За спиной послышались шаги.

Алексей резко обернулся. Никого. Только тень на колонне — длинная, неподвижная. Тень не двигалась. Алексей смотрел на неё несколько секунд. Тень оставалась на месте. Она не принадлежала никому.

Он перевёл дыхание. Нервы. Просто нервы.

Он спрятал веер в карман шинели и пошёл в сторону Смольного. Завтра он начнёт искать ответы. Завтра он найдёт того, кто убил Панкратова. Если доживёт до завтра.

Он знал, что за ним следят. Он чувствовал это кожей. Но

он не мог остановиться. Слишком много смертей. Слишком много тайн. И веер в его кармане был холодным, как лёд.

ЧАСТЬ I. «ГОРЬКИЙ МИНДАЛЬ»

ГЛАВА 1. «Труп в кресле»

Время: 16 июня 1943 года, 08:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей сидел в своём кабинете в Смольном и смотрел на веер, который лежал перед ним на столе в пластиковом пакете. Солнце уже поднялось над городом, и сквозь запylённое окно пробивался бледный утренний свет. За стеной слышались голоса — кто-то спорил, кто-то отдавал приказы, где-то стучала пишущая машинка. Смольный жил своей привычной жизнью, несмотря на блокаду, несмотря на обстрелы, которые продолжались каждую ночь.

Но Алексей не замечал этого шума. Он смотрел на веер и не мог отвести взгляда.

Перламутровые пластины тускло поблёскивали в свете керосиновой лампы — электричества в кабинете не было уже месяц. Алексей разглядывал тонкую резьбу: Аполлон, преследующий Дафну, — сюжет, который он помнил ещё с детства, когда бабушка показывала ему иллюстрации к мифам Древней Греции. Нимфы, танцующие у фонтана. Маленькие

купидоны с луками. Всё это было сделано с таким искусством, что Алексей не мог поверить — эта вещь была создана больше ста лет назад.

Но красота обманывала. Он знал, что кружево этого веера убило майора Панкратова. Он знал, что запах горького миндаля, который он чувствовал в подвале особняка Толстого, — это запах смерти. Синильная кислота. Один вдох — и человек падает замертво.

Алексей провёл рукой по лицу. Он не спал всю ночь — после того, как он вернулся из особняка, сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Панкратова: синее, с выпученными глазами, с веером, прижатым к губам. Алексей видел много смертей за два года блокады — он видел людей, умиравших от голода, от обстрелов, от болезней. Но эта смерть была другой. Она была слишком чистой, слишком аккуратной. Кто-то убил Панкратова и оставил его в кресле, как экспонат в музее.

Он вспомнил, как впервые встретил Панкратова. Это было в 1941 году, в первые месяцы блокады. Тогда Алексей только начинал работать в особом отделе НКВД, занимался расследованиями, связанными с пропажей культурных ценностей. Панкратов был куратором трофейной комиссии — он отвечал за изъятие антиквариата из особняков, которые национализировали или в которых размещали коммуналки. Панкратов знал о многих тайниках, о многих артефактах, которые исчезли в первые месяцы войны.

Они встретились в Эрмитаже — тогда Панкратов показывал Алексею список ценностей, которые были вывезены из особняков. Он говорил: «Мы должны сохранить всё, что можем. Это наша история. Когда война закончится, люди захотят увидеть это». Алексей тогда подумал, что Панкратов — хороший человек. Теперь он не был в этом уверен.

Он услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал Алексей.

В кабинет вошёл капитан Смирнов — молодой следователь, которого Алексей назначил осматривать тело Панкратова. Смирнов был бледен, под глазами залегли тени. Он тоже не спал ночью.

— Товарищ майор, — сказал Смирнов, козырнув. — Я закончил отчёт.

Он протянул Алексею папку. Алексей взял её, но не открыл. Он смотрел на Смирнова.

— Говорите своими словами, — сказал он. — Что вы нашли?

Смирнов переступил с ноги на ногу.

— Смерть наступила от остановки дыхания, — начал он. — Мы провели анализ. На кружеве веера найдены следы цианистого калия. Высокая концентрация. Достаточно одного вдоха, чтобы парализовать дыхательный центр. Смерть наступает в течение минуты.

— Значит, Панкратов просто поднёс веер к лицу? — спросил Алексей.

— Возможно. Или кто-то поднёс веер к его лицу. Но следов борьбы на теле нет, кроме царапин на стене и сбитой лампы. Мы нашли следы от каблуков на полу — Панкратов вставал, пытался уйти, но не смог. Кто-то посадил его обратно в кресло. Кто-то привёл его в порядок и положил веер в руки.

— Значит, убийца был там. Он видел, как Панкратов умирал. Он ждал, пока он умрёт, а потом привёл его в порядок.

— Да, товарищ майор. Это выглядит как ритуал.

Алексей кивнул. Он уже понял это. Убийца не просто убил Панкратова — он оставил послание. Веер был не просто орудием убийства, он был символом. Символом того, что Панкратов знал что-то, что должен был скрыть. Или того, что он нашёл что-то, что нельзя было находить.

— Что говорят жильцы? — спросил Алексей.

— Мы опросили всех, кто живёт в особняке. Пятнадцать человек. Никто не видел убийцу. Дверь в подвал не запиралась — любой мог войти. Но один из жильцов, пожилая женщина, сказала, что Панкратов приходил в особняк каждый месяц. Он проверял стены в подвале. Говорил, что ищет тайник. Женщина думала, что он сошёл с ума.

— А что она сказала о вчерашнем дне?

— Она сказала, что Панкратов пришёл вечером. Он был возбуждён. Он сказал ей: «Я нашёл. Завтра всё закончится». Она не знает, что он нашёл. Но она сказала, что он был счастлив.

Алексей задумался. Панкратов искал что-то в этом особняке два года. И вчера он нашёл. Но нашёл не то, что ожидал. Он нашёл смерть.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Оставьте отчёт. Я прочитаю позже.

Смирнов козырнул и вышел. Алексей остался один. Он открыл папку и пролистал отчёт. Ничего нового — всё то, что он уже знал. Цианистый калий. Веер. Следы борьбы. Записка в кармане Панкратова: «Спроси у Соболева».

Алексей отложил папку и открыл ящик стола. Там лежала другая папка — дело Соболева. То самое, которое он вёл в январе 1943 года, после того как хранителя Эрмитажа нашли мёртвым в запасниках. Дело № 47-Е — Алексей помнил его наизусть.

Он открыл папку и начал перелистывать страницы. Протокол осмотра места происшествия. Фотографии тела. Список вещей, которые были при Соболеве. Показания свидетелей. Всё это Алексей знал наизусть. Но он искал что-то другое.

Он дошёл до последней страницы дела. Там была записка, которую Соболев написал, но не отправил. Алексей нашёл её в книге, которая лежала на столе Соболева, после его смерти. Записка была короткой, но Алексей помнил её слово в слово: «Веер — ключ. Найти его — значит найти правду о заговоре 1866 года».

Алексей перечитал эти слова и задумался. Заговор 1866

года. Что это было? Он слышал о покушениях на Александра II — их было много. Но заговор 1866 года? Он не помнил такого.

Он перевернул страницу и замер.

На последнем листе дела был приложен старый конверт. Он был пожелтевшим, надорванным по краям. На конверте стоял штамп: «Лично. Генералу Глухову. 1941 год».

Алексей поднял глаза на портрет Сталина, который висел на стене. Он не знал, что Глухов интересовался веером. Глухов был его начальником в 1941 году, но потом он ушёл в другое ведомство, и Алексей потерял его из виду. Он знал, что Глухов был замешан во многих махинациях с артефактами. Но он не знал, что Глухов знал о веере.

Алексей взял конверт в руки. Он был заклеен сургучной печатью — печатью с гербом НКВД. Алексей колебался несколько секунд. Он знал, что вскрывать конверт без разрешения — нарушение. Но он также знал, что если не вскрыет его, он никогда не узнает, почему Глухов интересовался этим делом.

Он осторожно надорвал конверт и вытащил письмо. Оно было написано на бланке НКВД, почерк был размашистым, нервным:

«Товарищу Ухтомскому.

Я знаю, что вы расследуете дело о веере. Я знаю, что вы нашли его у Панкратова. Я также знаю, что вы нашли за-

писку Соболева. Остановитесь. Это дело опаснее, чем вы думаете. Заговор 1866 года — не просто историческая сплетня. Он связан с людьми, которые живы до сих пор. Они не позволят вам раскрыть правду. Если вы продолжите расследование, вы умрёте. Так же, как умер Соболев. Так же, как умер Панкратов. Поверьте мне, я знаю, о чём говорю. Генерал Глухов».

Алексей перечитал письмо дважды. Он не знал, что Глухов предупреждал его об опасности. Он не знал, что Глухов знал о заговоре 1866 года. Он не знал, что Глухов был связан с веером.

Он отложил письмо и посмотрел на веер, который лежал на столе. Перламутр, бриллианты, кружево — всё это казалось таким безобидным. Но это убило двух человек. И, возможно, убьёт ещё.

— Почему Глухов интересовался веером? — спросил он себя.

Он знал, что ответа не получит. Но он также знал, что не остановится. Он не мог остановиться. Слишком много смертей. Слишком много тайн.

ГЛАВА 2. «Архив на набережной»

Время: 18 сентября, 11:00

Место: Санкт-Петербург, набережная Невы, архив

Наши дни | Анна Ухтомская

Анна сидела за длинным деревянным столом в читальном зале архива на набережной Невы и смотрела на очередную коробку, которую принесла ей библиотекарь. Коробка была старой, картонной, с ободранными углами, перевязанная бечёвкой. На крышке чернилами было написано: «Архив А.В. Ухтомского. Личные дела. 1941–1978».

Анна вздохнула. Она разбирала архив прадеда уже почти год — с тех пор, как закончилось расследование дела о скарабее и камне жизни. Тогда она узнала правду, которая потрясла её до глубины души. Белов оказался жив. Камень жизни оказался турмалином с литием, без всякой магии. Скарабей исчез в неизвестном направлении. И Анна осталась с чувством, что она закрыла лишь одну дверь, но за ней открылись десятки других.

Она перевязала бечёвку и открыла коробку. Внутри лежали папки — десятки папок, каждая с номером дела и коротким названием. Анна начала перебирать их, читая надписи: «Дело 47-А. Фарфор», «Дело 47-В. Янтарь», «Дело 47-Г. Золото Ладоги»... Она знала эти дела. Она работала с ними в

прошлом году, когда разбирала архивы для выставки в Эрмитаже.

Но одна папка привлекла её внимание. Она лежала на самом дне коробки, приплюснутая другими папками. На ней было написано: «Веер. Дело 47-Ж».

Анна замерла. Она не помнила этого дела. Она никогда не видела его раньше. Она аккуратно вытащила папку и положила её на стол.

Папка была тонкой — всего несколько листов бумаги. Анна открыла её и начала читать. Первый документ был копией протокола осмотра места происшествия от 16 июня 1943 года. Анна пробежала глазами по строкам: «Труп майора Панкратова обнаружен в подвале особняка Толстого на Английской набережной. Смерть наступила от отравления цианистым калием. В руке трупа обнаружен старинный веер с кружевом, пропитанным синильной кислотой».

Анна перечитала это место дважды. Веер. Она никогда не слышала о веере. Она знала, что Алексей расследовал множество дел, связанных с артефактами, но о веере она не знала ничего.

Она перевернула страницу и увидела фотографию. Это был снимок веера — старый, чёрно-белый, с размытыми краями. Анна поднесла фотографию к глазам и всмотрелась в детали. Перламутр, бриллианты, кружево. Всё это было старым, искусно сделанным. И на кружеве — почти неразличимый вензель. Анна напрягла зрение и прочитала: «М.Ф.» —

императрица Мария Фёдоровна, жена Павла I.

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Она знала, что это за артефакт. Веер императрицы Марии Фёдоровны. Она видела его на картинах, в музейных каталогах. Но она не знала, что он существует до сих пор. И она не знала, что он был использован как орудие убийства.

Она перелистнула ещё несколько страниц и увидела приписку, сделанную рукой Алексея: «Спроси у Соболева. Он знает, где второй».

Анна замерла. Соболев. Это имя она помнила хорошо. Соболев был хранителем Эрмитажа, который был убит в январе 1943 года. Она знала это по делу о скарабее. Соболев был убит, потому что знал что-то о камне жизни. Но теперь выяснилось, что он знал и о веере.

Анна откинулась на спинку стула. Она чувствовала, как внутри неё разрастается тревога. Она думала, что все дела Алексея уже известны ей. Она думала, что она перебрала весь архив. Но теперь она поняла, что ошиблась. В архиве было ещё много неразобранных бумаг. И в них скрывались тайны, о которых она даже не догадывалась.

Она достала телефон и набрала номер Никиты.

— Анна? — раздался его голос на другом конце. Он звучал устало — Никита работал в Эрмитаже всю ночь, готовил новую экспозицию.

— Никита, — сказала Анна. — У меня для тебя новость.

— Какая?

— Я нашла ещё одно дело. Дело 47-Ж. Веер.

На том конце повисла тишина. Анна слышала, как Никита дышит в трубку. Потом он сказал:

— Веер? Я никогда не слышал о веере. Что за дело?

— 1943 год. Убийство майора НКВД Панкратова. Его нашли в подвале особняка Толстого на Английской набережной. В руке был веер. Кружево было пропитано цианистым калием.

— Цианистый калий? — переспросил Никита. — Но это же старый яд. Его использовали в XIX веке. Зачем кому-то убивать майора НКВД в 1943 году старым ядом?

— Я не знаю, — ответила Анна. — Но я знаю, что в деле есть приписка Алексея: «Спроси у Соболева».

— Соболев? — Голос Никиты стал напряжённым. — Это тот хранитель, которого убили в январе 1943 года? Из дела о скарабее?

— Да. Он мёртв уже пять месяцев. Но кто-то ждал, что он расскажет о веере. И его убили.

Никита молчал. Анна слышала, как он вздыхает на другом конце.

— Что ты думаешь? — спросила она.

— Я думаю, что у тебя есть ещё одно расследование, — сказал Никита. — И это расследование может быть опасным. Если кто-то убил Соболева и Панкратова из-за этого веера, они не остановятся.

— Я знаю, — сказала Анна. — Но я не могу остановиться.

Если мой прадед оставил это дело для меня, я должна его раскрыть.

Она перевернула страницу и увидела фотографию веера. Она замерла. На кружеве, почти неразличимый, был вышит вензель. Она поднесла фото к глазам и прочитала: «М.Ф.» — императрица Мария Фёдоровна.

Анна знала, что это за артефакт. Она видела его на картинах, в музейных каталогах. Веер императрицы Марии Фёдоровны. Он был создан в конце XVIII века и считался утерянным. Но она не знала, что он до сих пор существует.

Она сжала телефон в руке и сказала:

— Никита, я знаю, что это за веер. Это веер императрицы Марии Фёдоровны. Он был создан в 1796 году. Он считался утерянным. Но он существует. И он убивает людей.

— Что ты будешь делать? — спросил Никита.

— Я найду его, — сказала Анна. — Я найду этот веер. И я узнаю, почему он убивает людей.

Она положила трубку и посмотрела на фотографию. Вензель «М.Ф.» смотрел на неё с почти столетнего снимка. Анна знала, что это начало нового расследования. И она знала, что оно будет не менее опасным, чем все предыдущие.

ГЛАВА 3.

«Рождественский подарок»

Время: 25 декабря 1796 года, 20:00

Место: Зимний дворец, покои императрицы Марии Фёдоровны

Флэшбек | Мария Фёдоровна

Зимний дворец сиял огнями. Сотни свечей горели в хрустальных люстрах, отражаясь в зеркалах и позолоте, превращая парадные залы в ослепительное сияние. За окнами кружил снег — декабрьский Петербург был холодным и тёмным, но внутри дворца царило тепло и праздничное оживление.

Только что закончилась церемония коронации Павла I, и теперь император хотел отпраздновать это событие в кругу семьи. Он был доволен — он наконец стал императором после долгих лет ожидания, после смерти матери, Екатерины II, которую он ненавидел, но которой всегда подчинялся. Теперь власть была в его руках, и он хотел разделить эту радость с супругой.

Мария Фёдоровна сидела в своих покоях, ожидая мужа. Она была одета в парадное платье из серебристого атласа, волосы уложены по последней моде, на шее — бриллианто-

вое ожерелье, подаренное ей Павлом несколько лет назад. Она любила мужа — несмотря на его резкость, несмотря на его странности, которые беспокоили всех придворных. Она видела в нём человека, который хотел быть справедливым, но не умел проявлять мягкость.

Дверь открылась, и вошёл Павел. Он выглядел уставшим, но счастливым. В руках у него была шкатулка из красного дерева с серебряным гербом — двуглавым орлом, который держал в лапах скипетр и державу.

— Моя дорогая, — сказал он, подходя к супруге. — Я хочу сделать тебе подарок. В честь моего восшествия на престол. Это не просто безделушка, это вещь, которая принадлежала моей матери. Но я думаю, она будет лучше смотреться на тебе.

Мария Фёдоровна улыбнулась. Она знала, что Павел ненавидел свою мать, но в последние дни он стал чаще говорить о ней — возможно, чувство вины не давало ему покоя. Она взяла шкатулку и открыла её.

Внутри лежал веер.

Мария Фёдоровна замерла. Веер был невероятно красивым — перламутровые пластины были искусно вырезаны, каждая из них изображала античный сюжет: Аполлон, преследующий Дафну, нимфы, танцующие у фонтана, маленькие купидоны с луками. Рукоятка была усыпана бриллиантами, которые сверкали в свете свечей, переливаясь всеми цветами радуги. Кружево — тонкое, французское, почти неве-

соемое — было прикреплено к пластинам с невероятной аккуратностью.

— Это самый прекрасный веер, который я видела! — воскликнула она.

Павел улыбнулся. Он был рад, что супруга оценила его подарок.

— Я заказал его у лучшего ювелира в Париже, — сказал он. — Он сказал, что кружево пропитано особым составом, чтобы оно сохраняло аромат и не гнило со временем. Ты будешь пахнуть розами, моя дорогая. Французские мастера знают своё дело.

Мария Фёдоровна взяла веер в руки. Он был лёгким, изящным, словно сотканным из воздуха. Она поднесла его к лицу и вдохнула аромат.

Запах был странным.

Она ожидала роз, нежного цветочного аромата. Но вместо этого она почувствовала что-то резкое, горькое, отдающее миндалём. Это не было неприятным — скорее необычным, неожиданным. Мария Фёдоровна нахмурилась на мгновение, но тут же взяла себя в руки.

— Какой чудесный аромат, — сказала она, улыбаясь мужу. — Ты прав, французские мастера знают своё дело.

Павел кивнул, довольный.

— Я знал, что тебе понравится, — сказал он. — Теперь этот веер будет твоим. Носи его с гордостью. Он напоминает о том, что ты — императрица России.

Он поцеловал её в лоб и вышел из покоев. Мария Фёдоровна осталась одна, держа в руках веер.

Она смотрела на него и чувствовала, как странный запах всё ещё витал в воздухе. Горький миндаль. Она не знала, что это такое, но что-то в этом запахе беспокоило её. Она поднесла веер к лицу ещё раз — запах был слабее, но всё ещё осязаемый.

«Наверное, это и есть аромат старых французских вееров, — подумала она. — Я никогда не слышала о таком, но, возможно, я просто не знаю французской моды».

Она спрятала веер в комод и закрыла его. Она решила, что не будет думать об этом. Павел был так добр к ней, он хотел сделать ей приятное. Она не должна портить праздник своими подозрениями.

Но в ту ночь она долго не могла уснуть.

Она лежала в своей постели, глядя в потолок, и думала о странном запахе. Горький миндаль. Что-то в нём было знакомым, но она не могла вспомнить, где она его слышала или чувствовала. Она перебирала в памяти все запахи, которые знала: розы, лаванда, жасмин, лилии. Но горького миндаля не было ни в одном из них.

Она повернулась на бок и закрыла глаза. Она пыталась заснуть, но в голове крутились мысли о веере, о странном запахе, о словах Павла: «Он сказал, что кружево пропитано особым составом». Кто этот ювелир? Откуда он взял этот рецепт? И почему запах напоминал что-то, чего она не могла

вспомнить?

Она встала с постели, накинула шаль и подошла к комоду. Она открыла его и снова посмотрела на веер. В лунном свете, который проникал в окно, перламутр казался призрачным, почти светящимся. Мария Фёдоровна взяла веер в руки и снова поднесла его к лицу.

Запах был слабее, но всё ещё ощутимым. Горький миндаль.

Она снова спрятала веер и вернулась в постель. Она не знала, что через месяц этот запах убьёт её любимую фрейлину, молодую графиню Шереметеву. Она не знала, что веер был пропитан синильной кислотой — ядом, который не оставляет следов, но убивает мгновенно. Она не знала, что её муж, сам того не ведая, подарил ей орудие смерти.

Она не знала, что этот веер будет переходить из рук в руки, из поколения в поколение, оставляя за собой след из мёртвых тел. Она не знала, что этот веер будет убивать ещё двести лет.

Она просто лежала в своей постели и пыталась уснуть. Но запах горького миндаля всё ещё стоял у неё в носу, и она не могла избавиться от него.

За окном кружил снег, и Зимний дворец мерцал огнями, как огромная звезда в центре заснеженного Петербурга. Никто не знал, что этой ночью в императорских покоях случилось нечто, что изменит историю. Что веер, подаренный с любовью, станет символом смерти. Что началась история,

которая закончится только через два столетия.

Мария Фёдоровна закрыла глаза и наконец начала засыпать. Но ей снился странный сон: она стояла в поле, полном цветов, и все они пахли горьким миндалём. И где-то вдали она слышала чей-то голос, который шептал: «Ты не знаешь, что держишь в руках. Но ты узнаешь слишком поздно».

Она проснулась в холодном поту и поняла, что больше не заснёт до утра.

Она не знала, что за ней наблюдают.

В тени за дверью стоял человек. Он видел, как Павел подарил веер императрице. Он видел, как Мария Фёдоровна рассматривала веер, как она нюхала его, как она прятала его в комод. Он знал, что веер отравлен. Он знал, что его заказал ювелир-масон, член тайной ложи «Золотое Солнце».

Он улыбнулся в темноте.

«Начинается, — прошептал он. — Теперь никто не оставит нас».

И он исчез в коридорах Зимнего дворца, оставив Марию Фёдоровну одну с её страхами и с веером, который уже начал свою смертельную работу.

ГЛАВА 4. «Смерть фрейлины»

Время: 16 января 1797 года, 14:00

Место: Зимний дворец, будуар императрицы

Флэшбек | Мария Фёдоровна

В будуаре императрицы было тепло и уютно. Камин пылал, наполняя комнату мерцающим светом и запахом берёзовых дров. Мария Фёдоровна сидела в кресле у камина, одетая в простое домашнее платье из тёмно-зелёного бархата. Её волосы были распущены, и она выглядела почти юной, несмотря на свои тридцать восемь лет и восьмерых детей.

Вокруг неё собрались фрейлины — пять молодых женщин в светлых платьях, с любопытством взиравших на императрицу. Они пришли на чаепитие, как делали это каждую неделю, но сегодня Мария Фёдоровна была особенно оживлена. У неё была новость, которой она хотела поделиться.

— Дорогие мои, — сказала она, улыбаясь. — Я хочу показать вам нечто особенное.

Она подошла к комоду, открыла его и достала шкатулку из красного дерева. Фрейлины замерли в ожидании. Мария Фёдоровна открыла шкатулку и вынула веер.

По комнате пронёсся коллективный вздох восхищения.

Перламутровые пластины сверкали в свете камина, переливаясь всеми оттенками белого, розового и жемчужного.

Бриллианты на рукоятке горели холодным огнём, отражая языки пламени. Кружево, тонкое и прозрачное, как паутина, струилось вниз, словно живое.

— Боже мой, — прошептала одна из фрейлин, молодая графиня Шереметева. — Это самое прекрасное, что я видела.

— Это подарил мне император на Рождество, — сказала Мария Фёдоровна с гордостью. — Он заказал его у лучшего парижского ювелира. Кружево пропитано особым составом, чтобы сохранять аромат. Понюхайте, как чудесно пахнет.

Она протянула веер фрейлинам. Они передавали его из рук в руки, рассматривая каждую деталь, восхищаясь искусной резьбой и блеском бриллиантов. Когда веер оказался у графини Шереметевой, она поднесла его к лицу и глубоко вдохнула.

— Какой чудесный запах, — сказала она. — Он напоминает мне о чём-то, но я не могу понять о чём. Горький миндаль, да? Странно, но приятно.

Она улыбнулась и передала веер следующей фрейлине. Но через мгновение её улыбка исчезла. Она побледнела, схватилась за грудь и попыталась сделать вдох, но не смогла. Её глаза расширились, лицо начало синеть. Она открыла рот, пытаясь закричать, но из её горла вырвался лишь хрип.

Она упала на пол.

В будуаре воцарился хаос. Фрейлины закричали, бросившись к графине, но было уже слишком поздно. Графиня Ше-

реметева лежала на полу, её лицо было синим, глаза стеклянными, а грудь больше не поднималась.

— Врача! — закричала Мария Фёдоровна. — Быстро!

Прибежал лейб-медик, он опустился на колени рядом с графиней, проверил пульс, посмотрел на зрачки и покачал головой.

— Ваше императорское величество, — сказал он. — Графиня мертва. У неё был апоплексический удар. Сердце не выдержало.

Мария Фёдоровна смотрела на тело графини. Она не верила в то, что сказал врач. Апоплексический удар? Графине было двадцать два года, она никогда не жаловалась на сердце. Она была здорова, полна жизни, и вдруг — смерть. Это было слишком странно.

Императрица перевела взгляд на веер. Он лежал на полу у тела графини. Кружево, которое так восхищало всех, теперь казалось ей зловещим.

Мария Фёдоровна вспомнила, как она сама нюхала этот веер на Рождество. Как чувствовала странный запах. Как её беспокоило это ощущение. И теперь графиня умерла после того, как прижала веер к лицу.

Она подошла к телу, наклонилась и подняла веер. Она принюхалась к кружеву — тот же запах, горький миндаль. Она не знала, что это такое, но она знала, что это не случайность. Кто-то отравил веер. Кто-то хотел убить её. Но вместо неё умерла графиня.

Мария Фёдоровна спрятала веер за спину и повернулась к фрейлинам.

— Уведите всех, — сказала она. — И пришлите ко мне священника. Мы похороним графиню по всем обычаям.

Фрейлины вышли, оставив императрицу одну с телом и веером. Мария Фёдоровна смотрела на веер и чувствовала, как холод пробегает по спине.

«Кто это сделал? — думала она. — Зачем? И знал ли Павел о том, что этот веер убивает?»

Она не хотела верить, что Павел мог быть замешан в этом. Она любила мужа, и мысль о том, что он мог подарить ей орудие убийства, была невыносима. Но она также знала, что у Павла было много врагов. Врагов, которые хотели бы избавиться от него. Врагов, которые могли подставить его, подложив яд в его подарок.

Она спрятала веер в шкатулку и заперла её в своём комод. Она не сказала никому о своих подозрениях. Она даже не сказала Павлу. Она боялась, что если она расскажет правду, начнётся скандал. Начнутся допросы, обыски, подозрения. А это могло уничтожить её семью.

Она сидела одна в своих покоях и смотрела на комод, где лежал веер. Запах горького миндаля всё ещё витал в воздухе.

«Кто это сделал? — шептала она. — Зачем? И знал ли Павел о том, что этот веер убивает?»

Она не знала ответа. Но она знала, что не может уничтожить веер. Он слишком красив. И слишком опасен. Она не

знала, что делать с ним. Она не знала, кому доверять.

Она подошла к окну и посмотрела на заснеженный Петербург. Где-то в этом городе жил человек, который знал правду. Человек, который стоял за этим убийством. Она должна была найти его. Но она не знала, с чего начать.

Она не знала, что прошлое, которое она пыталась скрыть, вернётся через двести лет. Что веер продолжит убивать. Что её правнуки будут искать ответы на вопросы, которые она боялась задать.

Она просто стояла у окна и смотрела в ночь.

ГЛАВА 5. «Следовател

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.